

Геополитика Центральной Азии: новый Шелковый путь?

Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан — страны, которые в совокупности составляют Центральную Азию — малоизвестны большинству европейцев. Расположенные в самом сердце Евразии, они могут стать новым объектом стратегического соперничества между мировыми и региональными державами.

Стефано ди Лоренцо

сбт 11 апр 2026

Достаточно беглого взгляда на карту Евразии — в строгом географическом смысле Европа и Азия фактически составляют один континент — чтобы понять: сердце и центр притяжения Евразии занимает территория, о которой мало кто из европейцев что-либо знает, — регион, получивший вполне уместное название «Центральная

Азия». Он включает в себя пять стран: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Древний Шелковый путь, соединявший Китай с Ближним Востоком и Европой, проходил через Центральную Азию.

В совокупности население стран Центральной Азии составляет около 85 миллионов человек, что примерно соответствует численности населения Германии. Общий объем их экономик (реальный ВВП) составляет около полутора триллионов долларов, что чуть больше, чем у Нидерландов. Это может показаться не так уж и много, но деньги — не единственное, что движет миром. Природные ресурсы и географическое положение, хотя и не могут быть сразу преобразованы в финансовую ценность, являются активами, имеющими жизненно важное значение для потоков торговли, денег и власти.

Поглощенные сложными теоретическими размышлениями и пытаюсь понять мир через абстрактные и идеалистические концепции, а также через соблазнительную точность финансовых показателей, люди часто упускают из виду одну вещь: геополитика — это прежде всего физическая география, материальные ресурсы, военная мощь, а также прагматичные договоры и союзы между странами. Иными словами, это суровая реальность. Геополитика — это не платонический поиск истины, скрытой за иллюзией видимого мира: геополитика существует в физическом мире осязаемых вещей.

Часто страны Центральной Азии по-прежнему рассматриваются исключительно через призму российской перспективы. Сегодня такой подход имеет свои ограничения. Страны Центральной Азии уже почти 35 лет являются независимыми. Сохраняя хорошие отношения с Россией, они стремились поддерживать баланс с Китаем и даже с Соединенными Штатами, когда США на протяжении нескольких десятилетий были мировым гегемоном. Война в Иране может изменить эту ситуацию. События вокруг Персидского залива имеют глобальное значение и повлияют также на развитие Центральной Азии.

Иногда Афганистан также включают в макрорегион Центральной Азии. Однако у Афганистана совершенно уникальная история, а события последних десятилетий делают его особым случаем, заслуживающим отдельного анализа и не вписывающимся в траекторию развития других стран Центральной Азии, которые все являются бывшими республиками Советского Союза, а ранее входили в состав Российской империи.

Географический центр

В своей статье 1904 года «Географический стержень истории» британский географ сэр Халфорд Дж. Маккиндер определил обширные территории Сибири и Центральной Азии как часть более крупного центрально-евразийского ядра, которое он назвал «географическим стержнем», а в более поздней работе — «сердцем континента» ("Heartland"). По мнению Маккиндера, контроль над этими территориями был ключом к глобальному господству. В некотором смысле это могло показаться странным выбором. Центральная Азия и Сибирь находились очень далеко от центров мировой власти. Но Маккиндер смело заявил, что тот, кто контролирует эту область, будет властвовать над всей Евразией и «Мировым островом» — Африкой, Азией и Европой — и, таким образом, обладать решающей силой в мировых делах. Геополитический баланс на Земле зависел от контроля над центральным материком.

Это было замечательное наблюдение, учитывая, что Британская империя и её соперники были морскими державами. Но у сухопутных держав было то, чего не хватало властелинам океанов: ресурсы, географическая глубина и рабочая сила (кстати, термин, который Маккиндер помог популяризировать). Теория «сердца континента» — безусловно, очень увлекательная теория. Но на самом деле контроль над обширными территориями Сибири и Центральной Азии, которым сначала обладала Российская империя, а позже — Советский Союз, не привел к контролю над Евразией и миром.

Идеи Маккиндера не были просто академическими размышлениями — они сформировали стратегическое мышление на протяжении обеих мировых войн и холодной войны, а также послужили геополитической призмой, через которую соперничающие державы смотрели на Евразию. Однако Маккиндер писал в совершенно иную эпоху. Контроль над территориями имел первостепенное значение в эпоху, предшествовавшую развитию военно-воздушных сил, когда наземные транспортные сети обеспечивали военное и экономическое преимущество. Одной лишь морской мощи, несмотря на то что она была основой Британской империи, считалось недостаточно.

«Большая игра»

Еще до Маккиндера Центральная Азия была ареной геополитического противостояния. Термин «Большая игра» был популяризован британским писателем Редьярдом Киплингом. С XIX века он описывал длительное стратегическое соперничество между Британской империей и Российской империей за влияние в Центральной Азии и, в конечном итоге, за Британскую

Индию. Подобно сегодняшнему дню, британцы тогда, возможно, страдали от острой формы «российской паранойи». Они опасались, что Россия может угрожать их колониальным владениям в Индии, хотя Центральная Азия и Индия разделены самым высоким горным хребтом в мире, который можно было бы считать довольно надежным географическим барьером.

С начала XIX века, когда распалась антинаполеоновская коалиция, и вплоть до заключения Англо-российской конвенции 1907 года Великобритания и Россия вели скрытый конфликт, характеризовавшийся борьбой через посредников и шпионажем. Российская экспансия в Туркестанском регионе была неуклонной и методичной: начавшись с казахской степи, она продвинулась в ханства Хивы, Бухары и Коканда, включив их в имперскую структуру, которая расширила влияние Российской империи глубоко в азиатский континент. У Великобритании это движение вызвало глубокое беспокойство, граничащее с навязчивой идеей. Индия была не просто колонией; она была экономической и символической жемчужиной империи. Любую потенциальную угрозу ей — даже чисто гипотетическую — необходимо было предвидеть и нейтрализовать. Страх вызывало не столько прямое вторжение России, которое было бы сложным с точки зрения логистики, сколько постепенное вторжение, способное дестабилизировать северные границы Индии и подорвать британский контроль.

Так называемое «Завещание Петра Великого» представляло собой документ, в котором, как предполагается, излагался долгосрочный план мирового господства России. Этот текст, приписываемый российскому царю Петру Великому, скончавшемуся в 1725 году, содержал поразительно откровенные предписания, такие как:

«Подходите как можно ближе к Константинополю и его окрестностям. Тот, кто будет там править, станет истинным повелителем мира. Следовательно, ведите непрерывную войну — то с турками, то с Персией. Соорудите верфи на Черном море, постепенно захватите его целиком, а также Балтийское море; это необходимо для осуществления плана. Ускорьте упадок Персии; проникните в Персидский залив; восстановите, если возможно, древнюю торговлю Леванта через Сирию и проложите себе путь в Индию — она является торговым центром мира. Оказавшись там, вы сможете обойтись без золота Англии»

Для британских наблюдателей XIX века эти строки выглядели как леденящее душу подтверждение их самых сокровенных страхов. Представление о том, что российская экспансия руководствовалась последовательным долгосрочным планом, послужило интеллектуальным оправданием двух британских войн в Афганистане.

Проблема заключалась в том, что этот документ был **подделкой**. Большинство историков связывают его первое известное появление с 1812 годом, когда он был опубликован на французском языке во время наполеоновских войн в качестве антироссийской пропаганды. Он неоднократно всплывал на протяжении всего XIX века и даже в период холодной войны именно потому, что так точно соответствовал господствующим страхам. К 1870–1880-м годам среди ученых уже широко распространились серьезные сомнения в его подлинности, но только в XX веке документ был окончательно разоблачен как подделка. Тем не менее его влияние в разгар «Большой игры» было реальным. «Завещание» функционировало как геополитический миф, стиравший грань между восприятием и реальностью.

Эта британская тревога по поводу России заставила британских офицеров, исследователей и агентов — зачастую действовавших под прикрытием — пересекать одни из самых негостеприимных мест на земле, наносить на карту маршруты, собирать разведданные и пытаться оказывать влияние на местных правителей, **иногда платя жизнью** за риски, на которые они шли при дворах, подобных бухарскому. «Большая игра» предвосхитила ту логику, которую позже теоретически обосновал Маккиндер.

Переориентация

Российская империя, а впоследствии и Советский Союз установили практически полную геополитическую монополию над Центральной Азией. На протяжении более века Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан были структурно интегрированы в единую политическую, экономическую и оборонную систему. Инфраструктура создавалась в рамках системы развития Советского Союза, элиты этих стран получали образование в советских учебных заведениях, а их стратегическое видение определялось императивами общего советского блага.

Распад Советского Союза в 1991 году не привел к немедленному разрушению этой архитектуры. Россия сохранила и по-прежнему сохраняет глубокое влияние благодаря языку, миграционным потокам, энергетическим сетям и механизмам безопасности, таким как Организация Договора о коллективной безопасности. Тем не менее, обретение независимости неизбежно привело к формированию нового стратегического пространства. Впервые в новейшей истории государства Центральной Азии получили возможность проводить многовекторную внешнюю политику, балансируя между конкурирующими державами, а не подчиняясь единому центру.

Первоначально США вышли на эту арену в ограниченном масштабе и в основном из соображений безопасности. Вмешательство в Афганистане после 2001 года привело к расширению американского военного присутствия в регионе, в частности к открытию баз в Узбекистане и Кыргызстане. Однако это участие носило условный и, в конечном счете, временный характер. По мере того как внимание Вашингтона переключилось на другие регионы, и особенно после вывода войск из Афганистана, создалось впечатление, что США утратили как интерес к Центральной Азии, так и свои рычаги влияния в этом регионе. Возможно, это представление уже устарело.

В последние годы — и особенно после обострения соперничества с Китаем на уровне великих держав и потрясения, вызванного войной в Украине, — Соединённые Штаты начали систематически возобновлять взаимодействие с Центральной Азией. Этот сдвиг нашел институциональное воплощение в формате «С5+1», который объединяет пять центральноазиатских республик и Соединённые Штаты в рамках структурированного дипломатического формата.

Первый саммит «С5+1» состоялся в Самарканде (Узбекистан) в 2015 году. В ноябре прошлого года, в ознаменование 10-летия этой инициативы, президенты США и всех пяти центральноазиатских государств встретились в Вашингтоне. Это был первый случай, когда все президенты стран Центральной Азии одновременно посетили США. Во многом это может быть символическим жестом, но саммиты «С5+1» сигнализировали о концептуальном сдвиге: Вашингтон больше не подходит к региону опосредованно — через Россию, Афганистан или более широкие «постсоветские» рамки — а признает его отдельным геополитическим пространством.

Центральная Азия играет ключевую роль в формирующейся сети наземных торговых коридоров, связывающих Китай с Европой. Если эти коридоры — железные дороги, трубопроводы, логистические узлы — будут полностью интегрированы в систему, ориентированную на Китай, США могут оказаться исключенными из одного из важнейших экономических процессов XXI века. Поэтому американская политика будет все больше сосредотачиваться на поддержке альтернативных маршрутов, в частности так называемого Среднего коридора, который обходит как Россию, так и Иран. Во-вторых, регион обладает значительными природными ресурсами, включая нефть, газ, уран и редкоземельные элементы. В эпоху, определяемую энергетическим переходом и технологической конкуренцией, доступ к этим ресурсам имеет не только экономическое значение, но и жизненно важен для будущих перестроек. В-третьих, Центральная Азия занимает ключевую позицию в плане безопасности между несколькими нестабильными или спорными регионами: Афганистаном, Ираном, Кавказом и, косвенно, Западным Китаем.

В начале 2000-х годов деятельность США носила ярко выраженный военный характер и была тесно связана с войной в Афганистане. Сегодняшняя стратегия более гибкая и менее идеологически жесткая. Хотя риторика о демократии и правах человека не исчезла полностью, она всё в большей степени подчиняется прагматическим соображениям. В этом смысле политика США в Центральной Азии становится более явно реалистичной и менее прозелитистской: США не пытаются проповедовать права геев в Казахстане или Узбекистане, о демократии говорится не так много. В отличие от Украины или других постсоветских стран, США пытаются оказывать свое влияние не путем финансирования НПО и «гражданского общества», тем самым обходя местные институты, а путем прямого взаимодействия с местными лидерами. Соединенные Штаты — пока — не стремятся заменить Россию или Китай в качестве доминирующей внешней силы в Центральной Азии. Скорее, они стремятся предотвратить изоляцию и обеспечить, чтобы ни один из игроков не смог укрепить свой беспрекословный контроль.

С точки зрения центральноазиатских республик этот возрожденный интерес со стороны США воспринимается как возможность и как ограничение одновременно. С одной стороны, он укрепляет их давнюю стратегию многовекторной дипломатии, позволяя им добиваться уступок и инвестиций от множества партнеров. С другой стороны, он чреват риском еще большего втягивания их в динамику соперничества великих держав, что сужает пространство для автономии. Как однажды заметил Генри Киссинджер, дружба с США может оказаться роковой.

Однако если США не сумеют поддерживать это взаимодействие, исход станет относительно предсказуемым. Инфраструктурная и экономическая мощь Китая в сочетании с сохраняющимся влиянием России постепенно сформируют двойную гегемонию над регионом. Россия уверена, что Центральная Азия не готова к острой геополитической конкуренции. «Несмотря на страхи, опасения и риторику, новой «Большой игры» не предвидится», — написал [российский эксперт Валдайского форума Тимофей Бордачев в недавней статье](#). Однако это может зависеть от многих факторов. Некоторые из них находятся вне контроля России.

«Фактор Турции»

На протяжении последних двух десятилетий президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган предпринимает последовательные усилия по расширению присутствия Турции в Центральной Азии. Эта стратегия носит не столько военный, сколько культурный, религиозный и цивилизационный характер. Она основана на идее общей тюркской идентичности, связывающей Анатолию со степями Центральной Азии, откуда первоначально пришли тюркские племена. Эта концепция обрела

институциональную форму в [Организации тюркских государств](#) (ранее — Тюркский совет), объединяющей Турцию, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, а также Туркменистан в качестве наблюдателя.

То, что когда-то могло казаться чисто символической или культурной инициативой, может приобрести и геополитическое значение. Это может стать основой для сотрудничества, не связанного ни с Россией, ни с Китаем, и поэтому весьма привлекательной для центральноазиатских элит, стремящихся диверсифицировать свои варианты. В отличие от Китая, Турция не вызывает опасений по поводу экономического доминирования. В отличие от России, она не несет на себе груз имперского наследия. В отличие от Запада, она не выдвигает политических условий в той же мере. Это позволяет Турции позиционировать себя скорее как партнера, чем как покровителя, даже если ее реальные возможности остаются ограниченными по сравнению с возможностями Китая или России. Турция активно участвует в развитии «Среднего коридора» — транспортного маршрута, связывающего Китай с Европой через Центральную Азию, Каспийское море, Кавказ и Анатолию. Этот коридор рассматривается не просто как экономический проект, но и как геополитическая альтернатива.

Центральную Азию нельзя считать забытой периферией. Во-первых, потому что ею она никогда не была. Её также нельзя рассматривать исключительно через призму детерминистской концепции «осевого пункта истории», разработанной Халфордом Джоном Маккиндером. Ключевой вопрос заключается не в том, кто контролирует центр. Сегодня страны Центральной Азии не стремятся к тому, чтобы ими управляли внешние силы. Но они более чем рады извлекать выгоду из взаимосвязанного мира. Центральная Азия может стать [местом Новых Шелковых путей](#), огромным базаром, где встречаются Восток и Запад.

ТЕГИ СТАТЬИ:

[Анализ](#) [Киссинджер](#), [Генри Макиндер](#), [Хэлфорд](#) [Казахстан](#) [Кыргызстан](#) [Туркменистан](#)
[Узбекистан](#) [Таджикистан](#) [Организация Договора о коллективной безопасности \(ОДКБ\)](#)
[Организация тюркских государств](#)